

VIII

В ПАЛЕСТИНЕ. «КОММУНА». СОЗДАНИЕ «ГЕХОЛУЦ»

Начать дело осенью 1912 г., как полагал Трумпельдор, не было возможности. Действительность оказалась сложнее планов Трумпельдора. Больше всего он боялся неуживчивости, — и именно этим он был побит при первой попытке претворить свои идеи в жизнь. Группа, во главе с ним, уехавшая осенью 1912 г. в Палестину и поступившая в колонию Мигдал работать на артельных началах, не ужилась. Число ее участников достигало в начале 15. Двое из них вскоре умерли (один от воспаления легких, а другой покончил собою). В артели, кроме того, пошли неурядицы. Не малым поводом к неурядицам служило присутствие в артели женского элемента. И к концу рабочего года группа разбрелась: кто по Палестине, кто вернулся в Россию... В конце концов Трумпельдор остался одинок. С некоторыми из этой артели Трумпельдор сохранил

доброжелательные отношения, с другими порвал совершенно. И на второй год своей работы в Палестине, после того, как он побывал на Венском сионистском конгрессе, он поступает в качестве рабочего в Деганию, — один, без группы. Здесь и застала его европейская война 1914 г., вынудившая его, как и многих других, покинуть страну.

Трумпельдор поехал в Палестину после сдачи всех государственных экзаменов в университете. Два раза пришлось ему подвергнуться испытанию: осенью 1911 г. он держал государственные экзамены экстерном, потому что до этого был исключен из университета «за политику», но не выдержал по церковному праву; весной 1912 г. он вторично держал экзамен и получил диплом. Уезжал он в Палестину с большими планами и надеждами, и казалось ему, что группа для начала дела подобрана тщательно, и что именно ей, этой группе, удастся начать то, к чему он стремится, но жизнь разбила его мечты. Эта неудача тяжело отозвалась на нем, но не сломила его бодрости и веры. Летом 1914 г., когда я его застал работающим в Дегании, он носился с новыми планами, вербовал новых товарищей, ждал приезда из России новых друзей, думал на праздники Сукот отправиться на прогулку по

стране, с целью облюбовать место для самостоятельного устройства колонии. Война этому помешала.

Члены Мигдалской группы служили на ферме в качестве наемных рабочих. Свою внутреннюю жизнь они пытались вести коммунально. Кухня у них была общая, касса — тоже. Они как-бы усваивали правила жизни будущей колонии. Вначале дело шло гладко, славно, письма Трумпельдора и других были полны энтузиазма, подавали надежды на хорошую будущность. Но не прошло и пары месяцев, как все резко изменилось. Многие из товарищей вовсе перестали писать нам, петербуржцам, а в письмах Трумпельдора начали проскальзывать ноты разочарования, попадались фразы о том, что некоторые из товарищей, повидимому, не так себе представляли совместную жизнь...

С Венского конгресса, где он без успеха домогался поддержки своих планов, Трумпельдор поехал в Россию. А хотел он добиться в Вене от руководящих сионистских кругов лишь одного: чтобы была дана гарантия, что колония Мигдал всегда будет пользоваться еврейским трудом. Приехав в Петербург, он прежде всего повидался с тамошними товарищами, сообщил им о делах Мигдалской

группы. Затем он сделал турне по городам и местечкам Северо-Западного края, где вербовал новых товарищей для трудовых артелей. Посещения и выступления его производили всюду большое впечатление, но существенной пользы не принесли, так как все это носило теоретический характер, да и он сам тогда не очень уже надеялся на большую пользу для дела.

Но, как сказано было выше, Трумпельдор не отказался от самой идеи «трудовых артелей». Идею таких артелей он кладет в основу созданной им позже трудовой организации «Гехолуц». И чтобы эта последовательность мысли была ясна для нас, мы решаемся нарушить ход рассказа о жизни и деятельности Трумпельдора и считаем уместным привести основные положения организации «Гехолуц», как их понимал Трумпельдор и как он их лично редактировал.

По мнению Трумпельдора, «Гехолуц» — самостоятельная, надпартийная организация, имеющая свой центральный комитет в России, никому неподчиненный. Организация объединяет своих членов не временно — на год, два, три, а постоянно. В Палестинской политике она считает безусловно необходимым проведение принципа национализации зем-

ли, с предоставлением ее в наследственную аренду в первую очередь коллективам трудящихся, затем отдельным трудящимся, не применяющим постоянного наемного труда, и, наконец, лицам, пользующимся постоянным наемным трудом. До образования еврейского трудового большинства в Палестине «Гехолуц» считает допустимым в еврейских хозяйствах Палестины применение исключительно национального труда. В организацию «Гехолуц» может вступить всякий трудящийся, без различия пола, достигший 17-летнего возраста. «Гехолуц» объединяет не только физических работников, но также и умственных (агрономов, врачей, учителей и пр.). В организацию «Гехолуц» могут вступить только либо знающие уже какую-либо профессию, пригодную в Палестине, либо приступившие к изучению таковой. От вступающих в организацию «Гехолуц» обязательно требуется: рано или поздно переселиться в Палестину для постоянного там жительства; обязаться вести там трудовой, чуждый эксплуатации, образ жизни; заботиться не только об устройстве своей личной жизни, но также содействовать созданию там национального территориально-государственного центра в соответствии с национально-политическими и со-

циально-экономическими интересами трудовых масс; признавать, что национальным языком евреев в Палестине должен быть еврейский язык (Hebräisch).

Осенью 1914 г., когда Турция вступила в мировую войну, Трумпельдор находился (как уже было сказано) в колонии Дегания, где работал в качестве наемного рабочего. Но когда пошли высылки и аресты русских подданных, он был также арестован и выслан из страны, ведь он, кроме всего, числился русским офицером. Попав в Александрию, в Египет, он намеревался пробраться в Россию. Его кипучую натуру манили мировые события, разыгравшиеся на полях сражения, и ему не сиделось на месте... Убедившись, однако, что придется остаться в Египте надолго, он решил начать здесь культурную работу среди беженцев и опять пропагандировать свою идею о «трудовых колониях». Но судьбе угодно было, чтобы он стал во главе еврейского легиона. И он подчинился ее зову.